

Лариса Бутырина

ЗАЛЕЧЬ
НА ДНО В
ПОДОЛЬСКЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лариса Бутырина

Залечь на дно в Подольске

«Автор»

2022

Бутырина Л.

Залечь на дно в Подольске / Л. Бутырина — «Автор», 2022

ISBN 978-5-532-91351-6

Раскручивая ежедневно маховик жизни, можно ненароком сместить ось и случайно сойти с орбиты. Вернуться потом потребуется значительно больше сил, времени и сноровки. И первое, что необходимо сделать - это остановиться. Как бы ни скручивало внутри - вновь подорваться в привычное. Остановиться. Вопреки золотому правилу: «сколь медленно бы не двигался...» Все же найти в себе силы. И остановиться. Осмотреться, куда закинула бесконтрольная суета. Вся эта несуразная конвульсивность в движениях. Выдохнуть, наметить следующий пункт назначения. И познакомиться, наконец, с собой. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-91351-6

© Бутырина Л., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Предисловие	5
Часть 1. Привкусы бессилия	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лариса Бутырина

Залечь на дно в Подольске

Предисловие

Мое знакомство с ней произошло вскоре после того, как я совершила одну из самых крупных сделок в истории компании и в тот же день расторгла трудовой договор. На долгие расспросы президента корпорации о причине я отвечала молчанием. Возможно мне стало тесно на позиции. Возможно требовался новый уровень. . . . Уровень, где легко можно сжечь все свои активы и в этот же день прийти в банк и взять сотню-другую миллионов. Сколько я смогла бы занять сейчас в банке? Я знала цифру. Поэтому и сожгла все.

Но если честно, я просто выдохлась. Даже металл имеет склонность к усталости. Что уж говорить о человеке. . . . Даже о «железном», как негласно меня окрестили за спиной в стенах головного офиса.

Скажу лишь, что это решение было напрямую связано с физической травмой, утомительным бракоразводным процессом и ощущением пустоты, глубоко поселившимся в области солнечного сплетения. А затем и в пространстве вокруг. Тотально.

Тогда-то и появилась она. «Дьявол принимает какой захочет вид», – вспомнилась мне наша первая встреча. Она была неслучайна и мимолётна. В витрине магазина на оживленном проспекте. Я бросила взгляд на рекламный слоган зажатый меж плотных стёкол, она ответила мне тем же. По ту сторону. Задержалась на секунду и тут же поспешила дальше. В потоке своих мыслей и суетливых людей. Я последовала ее примеру, но остановилась спустя несколько шагов. Что-то заставило меня обернуться. То ли ее утонченная красота, то ли глубина глаз, то ли небрежность стиля. То ли все вместе, как редкое сочетание этих элементов красоты в едином образе. А она была красива. Очень красива. Мне редко доводилось встречать подобный магнетизм во внешности. Хотя в узких чертах ее читалась потаённая усталость. Я смогла уловить ее во второй раз, когда мы встретились снова. В день моей самой успешной сделки. За час до неё. В женской уборной пятнадцатого этажа Конгресс холла на набережной. Мы столкнулись лицом к лицу. Она поймала мой взгляд и не отпускала. Будто всматривалась куда-то глубже, чем я смогла бы впустить незнакомого человека. Куда я смогла бы в принципе кого-то впустить. Она же проникла туда без спроса. Она и не собиралась ничего спрашивать. Такие не спрашивают. Такие повсеместно становятся хозяйкой всего, к чему прикасаются. Даже взглядом. В этом взгляде читалось спокойствие, внутренняя собранность и теплота. На редкость окутывающая, успокаивающая и с легкими нотками восхищения.

«Люди могут простить человеку многое: ум, талант, удачливость, но не красоту», – говорили ее глаза. «Твою красоту тебе не простят. Они слишком тобой восхищаются. А тот, кто тобой восхищается, тот тебя и предаст».

Я лишь кивнула в ответ и сыграла на опережение. Я предала первая. Одним жестом. Единым решением. В работе, в социуме, в личной жизни. Позднее я призналась, что сделала этот ход в свою пользу. Ход – навстречу себе. Но позднее. Гораздо позднее.

«Кто ты?» – спросила я, когда мы увиделись в третий раз.

«Ты никогда не узнаешь, кто я», – ответила она, улыбаясь. «Потому что я – никто».

Я ей поверила. По всем правилам жанра.

Как здесь не поверить?

Так уж мы устроены. Мы скорее поверим в то, что невозможно объяснить. Любовь, например. Или высший создатель. Впрочем, гадалки, астрологи, ясновидящие. . . и прочее мракобесы – тоже подойдут. Не так уж и важно, как оно (необъяснимое) обзывается, – куда нужнее,

что этот кто-то или что-то скажет, что нам делать. И снимет тем самым с нас ответственность. Нашу ответственность за наше решение. За нашу собственную жизнь.

Она ничего снимать не стала. Даже слово не вымолвила. Только улыбалась, глядя в глаза. Давала себя рассмотреть и всем своим видом показывала, что мой вопрос – это уже не просто поиск и деятельность. Это – ноша. А ноша выбранная осознанно возврату не подлежит. Потому всегда тактично растворялась за испариной запотевшего зеркала и никогда не торопила с ответом.

Да, и знать бы его... этот ответ.

Знать бы, где поискать.

Хотя в сто крат важнее, знать, как правильно задать вопрос. Для начала. А там уж и ответы найдутся.

Но и это пришло не сразу. Позднее. Гораздо позднее. А пока я подбивала дела и подбирала хвосты. Длинные, скользкие и колючие. Плакала, кололась, но не выпускала. Так как знала: чтобы вдоволь насладиться собственным бессилием, нужно прежде сделать все, что от тебя зависит.

Я доделывала.

Так, что с ее появлением в моей жизни кардинально ничего не изменилось. Но можно сказать, что именно с ее появлением начался новый период. Я назвала его

Часть 1. Привкусы бессилия

Я уехала в Подольск.

Да-да, тот самый, что на реке Пахре – притоке Москвы-реки, образованный из села Подола. В XVIII веке принадлежал московскому Данилову монастырю. Нынче один из крупнейших городов-спутников (второй после Балашихи) в 36 км от центра Москвы и в 15 км от МКАД по трассе М2.

Почему не в глушь, не в полнейшее отсутствие цивилизации в диких джунглях субтропиков? Спросите вы.

Отвечу: Крайности. Сколько душ загубили эти крайности... А сколько тел...

Дауншифтеры, аутшифтеры и прочий люд, выдавленный из конкурентной среды ввиду собственной лени, непрофессионализма или отчаяния. Сколько таких мигрировало в своё время под пальмы за халявным теплом, просветлением и вечным позитивом лишенного статусов. Сколько из них сторчалось под теми же пальмами от местной наркоты в попытке расширить сознание и обрести свободу духа. А сколько попытались вернуться, но так и не сумели нагнать отставание.

«up or out» – гласит карьерная система координат. Без обратного билета и второго шанса. В особенности для тех, у которых профессиональный фундамент крайне мал. Соблазнившись однажды на аут они автоматически блокируют для себя путь вверх. Единственный вариант развития для них отныне – в горизонтальной плоскости. Можно еще порыть вглубь, разумеется. Но стоило ли тогда возвращаться? Там, под пальмами, и грунт помягче, и зарываться полегче, и соратники найдутся – раствориться в пространстве в закат вдоль линии горизонта...

«Горизонт для всех един, разнится лишь в высоте его восприятия» – говорило мое восприятие из окон съемной квартиры типового ЖК на улице Институтская. Оно же в своё время наглядно раскрыло суть всех этих тенденций: от кого они пошли, для кого и почему. В России иные реалии. И прежде, чем щемиться за дальние дали, не мешало бы изначально разведать, – возможен ли тот же "дауншифтинг" в исконном своем понимании на территории, к примеру, за МКАДом. Или просто внимательно посмотреть в окно...

«Постепенность – сестра разумности», – продикут вам виды. «Даже в самой запущенной стадии шизофрении». А здесь для нее – раздолье. Безоттеночная серость, пережитки колхоза и все стадии его запущенности.

Гуляй шиза, плодись апатия! Я с вами – хоть на край земли, хоть за край.

Сегодняшний край был ограничен застекленным балконом. Последний этаж, вид на подмосковную урбанию: пеньки серых пятиэтажек и недострой тц. Квартирка маленькая и укомплектованная. Типовая панелька переделанная в студию с панорамными окнами. Кровать большая ровно посередине комнаты. С подголовником, комплектом подушек и высоким матрасом. Определяющий момент при выборе жилища – чего лукавить. Санузел с душевой, небольшой книжный стеллаж и ни одной фотографии на стенах. Все вещи были удивительно правильно расположены. Минимум света, минимум мебели, минимум следов присутствия жизни. То, что нужно. Нашлась даже гардеробная. Небольшая, но вместительная. Потаённая дверка для хозяйственной утвари. Или набора костей. Кто чем богат, как говорится... кто чем приучен наполнять пространство.

Владелец данного пространства – мужчина. Не только по наполнению. По документам тоже, как выяснилось позднее. Молодой. Чуть за тридцать. Либо гей, либо нарцисс. Либо ещё какой извращенец. Я не вдавалась в подробности.

Лишь временами будто слышала шаги босых ног по паркету и нотки запаха. Его запаха. Владельца. Их не спутать. Они есть везде, где обживается человек. Они дремлют в самых пота-

енных местах, сбиваются в стайки, сворачиваются в комочки и в катушки. Особенно там, где в архивах покоится прошлое. Особенно то, что без будущего. Эти места были и здесь.

Большая их часть была собрана в зоне питания. Хорошая плита, большой холодильник, все кухонные удобства. Плюсуй сюда ещё хорошее чувство юмора и... перед тобой идеальный мужчина. Идеальный извращенец. Двести процентов.

Я усмехнулась, изучая набор посуды из темного стекла, разложенного в сушилке по возрастанию диаметра тарелок. Ради любопытства выдвинула ящик стола под навесной сушилкой, уже предполагая, что увижу. Приборы разложены так же по возрастанию слева направо и строго по ячейкам. Толчком бедра вернула ящик в исходное место. Вынула из холодильника початую бутылку вина и, не утруждаясь бокалом, залезла пятой точкой на кухонный стол.

Кто он ? Владелец этого пространства?

Какое пространство для домыслов, – любимое женское средство от скуки. И источник всех сложностей. Ее личных и тех, кто в них замешан, даже без своего ведома. Что ж... какой прекрасный случай оторваться с размахом. Я улыбнулась и отхлебнула из горла. Горизонт пронизанный бетоном расстился пурпурной полоской.

Сколь много мы додумываем – сколь малым искренне интересуемся.

Я смотрела из окна вниз на окутанный в темноту город. Городскую темноту. Жидкую и безвкусную. С огнями и подсветками. Мелкой россыпью за небесной дымкой проглядывались тусклые звёзды, внизу шныряли машины, шумела шайка подростков в соседнем дворе. Город он и есть город. Любой город живет на основе принципа подчинения, пунктуальности и внимания к мелочам.

Чуть больше, чуть меньше – суть одна. Что мегаполис, что посёлок городского типа – разница лишь в глубине контрастов и значимости, а точнее стоимости всех этих мелочей. И система «естественного приспособления» совсем не гарантирует здесь успешной адаптации.

Статус города Подольск получил в 1781 году. В 2004 году наделён статусом городского округа. Помимо бессистемно натканных бетонных пирамид и освоенных бюджетов на деле, наверное, мало, что изменилось. Индекс стоимости жизни, как и уровень дохода горожан, смею предположить, остался прежним с того самого 2004. Отметить можно разве что жалкие потуги транспортной логистики. Как стратегия запечатать тех, кто здесь был, жил и оставался, вместе с теми, кто имел неосторожность освоить «сладкие» предложения рынка недвижимости на здешних землях. По проекту расширения столичных территорий, разумеется. Наверно поэтому сюда гораздо проще добраться, чем наоборот. Вне зависимости от часов пик, сезона и погодных условий. А также условностей. В которых наивысшим и единственно верным проявлением разума остается существование в предложенных условиях без разрушения. Не разрушая их.

Я стояла у окна и смотрела на полуразрушенный облупленный фасад деревянного строения в конце улицы. Потерянным бродягой он торчал среди мутантов бетонного леса с выбитыми стёклами, поехавшей крышей и ухмылкой перекошенных ставен. Знакомьтесь, историческая ценность и элемент архитектуры. Дом – музей. Какой-то там...

Сверху особо не разобрать. Да, и снизу, собственно, тоже. Была бы необходимость, – разобрали бы уже под корень. И воздвигли памятник времён нерукотворный: очередной ТЦ, БЦ или ЖК. Но пока – не до него. Руки не дошли, видимо, или возможности иссякли. Оттого и стоит заброшенный. Без шанса на реконструкцию.

Задворки так и остаются задворками, как ни подкрашивай фасад.

Его фасад был весьма неплох, надо отметить. Крепкий. Фактурный. Успешный. Дерзкий. Возможно, потому что в нем таилось уникальное сочетание способностей и знаний, а возможно, потому он – просто красивый мужчина с выразительными глазами и крепким задом, перед которым все дороги раскрываются сами собой.

Сложно сказать, я ведь его не знала совсем. Даже не видела прежде. А здесь – такой субъект для домыслов. Непаханое поле...

Я сидела нога на ногу и неспешно вращала трубочку в коктейле, демонстративно помещивая ею свою скуку. Я знала, что он смотрит. Такие знают на что смотреть.

Интересно было взглянуть на него поближе. Я бросила одобряющий взгляд из-под опущенных ресниц.

Он не заставил себя долго ждать.

В свете ресторанного зала он выглядел лощеным недотрогой. Жеманные манеры, нотки пафоса в парфюме. На расстоянии они все смотрятся хоть куда, но подойди поближе... неотесанный зануда. С манией величия и накаченной задницей. По большей части примитивный примат, хотя время от времени в нем проскальзывало что-то такое... умное что ли. Он что-то неуклюже тараторил. Старательно приподнялись себя как главного... специалиста или эксперта. Здесь область не важна. Ключевое понятие – главного! Как антураж собственной значимости. И это умиляло сверх меры. До улыбки, застывшей в оскомине.

Я нацепила маску безразличия с легким макияжем невинности и непонимания. Натурэль и классический нюд не выходит из тренда.

Он испытующе прищурил глаза.

Я не ответила. Лишь выдохнула протяжно, вздымая чуть выше дозволенного томящуюся в узком вырезе грудь, и побрела взглядом по ту сторону окна.

Не дождавшись, он снова продолжил. Вызов сменялся высокомерным тоном, затем снова вызовом. Мысли бешено вращались в его голове, – я почти физически ощущала это вращение. С нарастающей скоростью. И втягивающим эффектом.

«Вот, интересно: а сколь долго человеческий мозг может существовать в спокойствии?» – думала я, блуждая глазами по улицам и тротуарам. «Не домысливать, не прогнозировать, не строить планы... Нет, я не про состояние сна сейчас. Хотя и во сне мыслительный процесс не останавливается. Мозг продолжает перерабатывать полученную за день информацию и выпускает на внутренний экран незамысловатые картинки. Я про другое. Некую нейтраль, в которой есть только наблюдение. Только восприятие. Без оценок и разглагольствований. Где вещи вокруг значат именно то, что значат, а не то, что мы о них думаем...»

В раздумьях я не сразу заметила, что собеседник замолчал и откинулся на спинку стула. Выглядел он весьма самодовольно. Отлично. Наконец, он высказал все, что хотел. И его никто не останавливал в потоке многозначительной речи. Мужчинам это всегда нравится. Даже, если им за это не платят. Даже, если этим искусством они владеют почти совершенно.

Попробуй, вставь такому в речь финальное решающее слово. Или того похуже – аргумент не в пользу его компетентности. И все. Перед тобой бесконтрольное разъяренное чудовище с глубоко ущемленным достоинством. И рваную раной в груди.

Восстанавливай потом. Успокаивай.

Оно тебе надо? Не проще ли просто промолчать в момент его моральной трагедии. Помурлыкать про себя мелодию, отрывком заевшую в голове с самого утра. Или вспомнить цитату из книги. Так, глядишь, и библиотека своя появится. Для этого даже красавицей не обязательно быть.

Я посмотрела ему в глаза. Они были чуть на выкате, как безумные с едва уловимой точкой зрачка посередине. «Нервничает», – улыбнулась я мысленно и небрежно поправила волосы.

Беспокойство – нутро человека. В особенности женского.

От сломанного ногтя до истребления бездомных животных. Уровень и масштаб – в степени собственной ненужности и незащищенности. Чем больше беспокойства – тем сильнее мы нуждаемся в любви. Тем сильнее мы нуждаемся в защите. В надежности, чувстве безопасности и заботе. Но все чаще выбираем трах. Отчего-то...

Природа у нас такая, что поделаться... – домыслить, спрогнозировать, построить планы.

Завидела упругие ягодички, – и вот, он! Мой герой! А подмигнул и улыбнулся, повернувшись передом – так и вовсе свадьбу сыграла. Мысленно.

Подобрала фату оттенка неба в день знакомства, высоту каблука – под его рост, текстуру ткани – в рельеф мускулатуры. А ему – галстук в цвет своего семейного счастья. Ведь счастье теперь непременно будет. И непременно семейное. Ведь – это он! Точно он! Ведь если мускулистый, значит сильный, а если сильный значит ответственный, а ответственный значит семейный... определенно.

И все непременно было бы столь сладко, да гладко, если бы не маленькая погрешность в этом железном логическом алгоритме. Все в этом мире значит лишь то, что значит, а не то, что мы об этом думаем. Старина Перлз ещё в прошлом веке сформулировал. Четко просто и лаконично: «Наблюдай жизнь, а не свои мысли». Так вот и выходит, что наблюдаешь упругие ягодички – это значит, что перед тобой – упругие ягодички. И ничего более. Ничего другого это не значит. Поэтому смотри и наслаждайся эстетически. Можешь ноготками невзначай прихватить, если уж очень манит. Или нечаянно зацепиться и увлечь куда-то в уединенное место для более детального исследования. А там уж, как пойдет...

Только не додумывай. Наслаждайся пока чувствуешь. А начнёшь додумывать – и сейчас остроту потеряешь, и на утро приятную хмель послевоксия горечью ожидания испохабишь. Необоснованные ожидания – они вообще много чего портят. Поэтому не додумывай, прошу тебя.

Думать-то думай. Полезно в умеренных дозах и своевременности. Но не додумывай.

– Как насчет выпить? – пустил он в ход последний козырь.

– А как насчет волшебной любви? – спросила я, недолго раздумая.

– Это как? – обескураженность тенью мелькнула на его лице.

– Это мы потрахаемся и, ты исчезнешь...

Исчез он на следующий день ближе к полудню. Я долго смотрела ему на руку за утренним кофе, заказанным в номер. Крепко, но без усилия он держал безликую казенную чашку и небольшими глотками дополнял ее содержимым вкус сигареты. Той самой, – что после. Я изучала ее дым и блуждала глазами по его пальцам.. структуре мышц, суставов, кожи, ногтей. Небольшой рубец над большим пальцем, пятнышко лопнувшего сосуда, налёт сухости на костяшках. Весьма привлекательное впечатление, – могут и ловко сработать на реакцию, и крепко сдавить в нежных местах, и челюсть выбить при необходимости. Красивые руки – большая редкость. Мужские – тем более. А уж творящие красоту....

В такие руки хочется упасть. И забыться. Насовсем. Или хотя бы на ночь.

Усилием воли я преодолела желание дотронуться до искривленной полоски шрама на безымянном пальце, затем встала и вышла на балкон.

«Я не верю в любовь с первого взгляда», – думала я, подставляя лицо апрельскому ветру. «Я верю в химию. Она будоражит.

Она дарует наслаждение. Эмоции, реакции в теле. Но все эти ощущения – наши. Мы наслаждаемся тем, что поражает в нас человек. А не самим человеком. От другого там только точка провокации. И игра воображения под вуалью гормонального всплеска. Она спадает так же стремительно, как и окутывает, открывая людям истинные лица друг друга. Отсюда и горькое разочарование, как правило. Многое выглядит иначе, когда эмоции отпускают.

А потом повторяется. Снова и снова. Пока ты ходишь у них на поводу. Ведь ты не меняешься. Меняются лишь мужчины вокруг.

Так что, химичьте, когда химия зашкаливает. Ярko, сочно, опасно. Чтобы стекла запотевали. Чтобы стены трескали и ломалась кровать. А как осядет, стирай испарину одним махом, открывай окно настежь и вдыхай новый день. Там своя химия – химия жизни. Она куда острее и забористее, чем привязываться к мужчине. К его рукам, запаху или крепкому задку. И выдавливать из него потом то, что он дать тебе не может...

Я сделала глубокий вдох, расстерла ладони и положила их на лицо.

Многие так или иначе вращают конечностями по утрам, в преддверии нового дня. Кто-то даже разоряется временем на полноценную разминку. Речь не о зожниках, йогах и прочих фанатиках, заикленные на медитациях, где чрезмерное внимание к своему здоровью – та же болезнь. Чрезмерное внимание к чему бы то ни было – в принципе, патология. Жаль, что приходишь к этому только через знатный букет хронических...

Но про хроники – чуть позже. Я сейчас про тех, кто знает важность разминки для тела, но напрочь забывает про лицо. А там тоже мышцы. Которым присуща как тонус, так и атрофия.

Самая действенная профилактика заломов и морщинок на лице – поцелуи. Глубокие чувственные. Проникновенные. Они предотвращают преждевременное старение. При условии, что поцелуи эти действительно от и с любимым и желанным человеком. Суррогат не работает, – лучше уколите ботокс.

Я оставила след за ночь распухших губ на стекле и снова провела пальцами по щекам и линии подбородка, уже воочию представляя, как они будут шелушиться к вечеру. «Нужно идти» – проговорила я вслух. Нужно еще изучить район, как минимум на предмет хорошего косметолога.

Когда я обернулась, его уже не было. Лишь дотлевает остатки непотушенной сигареты в переполненной пепельнице.

Зачем? – подумала я, вглядываясь в движения блуждающего дыма. Мы так стремимся освободиться от запретов, от затертого целомудрия, от навязанной обществом морали, что пожираем тела друг друга с тем же рвением, что отправляем души в ад. Это ли сила духа? Это ли свобода в самом деле?

Свобода. Свобода. Все как помешались на этой «свободе».

От кого освободиться-то хотим? От чего?

Мы изначально рождаемся в путях биологических несвобод. Общество столетиями создавало структуры, в которых возможно существование в интеллектуально техническом блаженстве. А здесь это тотальное стремление к свободам... К каким свободам, в самом деле? Что с ней делать-то, если пара – другая часов свободного времени превращается в муки тотальной скуки? Куда вы скатитесь, потакая этим биологическим путам? Неужели, на примере собственной похоти не понятно?

Мы ее-то обуздать не в состоянии. Что говорить, – дай нам вседозволенность? Полагаться на естество человеческой природы – доброте и состраданию? Столько таких полегло и повесито?

Не взаимопомощь, а каннибализм был нормой человеческого общества в естественных природных условиях. Истинная доброта и гуманность проявилась именно в тот момент, когда заложили первые намеки на социальные структуры. В этом и было проявление человечности. Истинной разумной силы.

А та сила, что позволила тебе сегодня избавиться от навязанных авторитетов и сбежать от чего-то, что порядком приелось, к чему-то, что пока ново, а потому и приятно, способна с той же мощью истощить и растлить тебя, прежде, чем решит подарить тебе завтра новое за чем.

Покинув зону гостиницы, я зачем-то решила пройтись. Погода стояла чудесная, по осеннему теплая солнечная и безветренная, а я так давно не гуляла. Без цели и направления я отправилась пешком по длинной неотесанной улице, вдоль убогих построек советских времен с аляпистыми вывесками сетевых магазинов и уставшего за зиму или за всю свою жизнь тротуара. Хватило и пары сотен метров, чтоб напрочь потеряться в этой тотальной серости однообразия. Спасением пришлось светло-желтое здание в стиле ампира с белокаменными колоннами и пятью куполами. Архитектурным маяком он возвышался среди уныния городской панорамы.

«Хоть что-то святое», – подумала я, цепляясь взором за этот величественный облик, и ускорила шаг.

Храм возвышается на холме и просматривался практически из любой точки города, как выяснилось позднее. Собор был открыт. Поклониться частицам мощей святых, припасть к иконе Божией Матери и исповедаться можно было ежедневно согласно расписанию.

Каждому приходящему, несомненно, есть о чем поведать. Тому или иному – даже по истине.

Я воздержалась. В вопросах истины я всегда особенно субъективна. Причём без доли романтики. И с едким привкусом нигилизма.

«Надейся на царствие божие. Страдай, сострадай, терпи. И возможно...

А возможно, и нет. Скорее всего – нет. Но ты терпи. И надейся», – гласит суть высших ценностей.

«Для чего?» – если на секунду задуматься.

И нет ответа. Как и смысла нет.

И надо изрядно потормозить голову, порыскать по миру и присмотреться к себе, чтоб докопаться до сути. А докопаешься, не приведи, Господи, – начнешь применять ее к удобству использования в предложенных обстоятельствах. И еще того доброго, – не применишь...

Тогда к чему вообще думать? Зачем разбираться?

Гораздо удобнее покоряться, нежели реагировать. Гораздо приятнее чувствовать, что обладаешь истиной, нежели исследовать весь этот тотальный хаос вокруг. Фальсификация действительности испокон веков приходила на выручку. Заблуждение, иными словами.

Это успокаивает, это придаёт мягкости характера. И постное ощущение сопричастности с себе подобными. Единение, отсутствие одиночества, как синдром стада против сильных и независимых. Тот самый спазм неудачников против успешных и счастливых. Тех, кому находиться в прирученном состоянии – пытка. И хотя бы попытка расторгнуть какие-либо привязки – есть особое удовольствие. Некий смысл. В этом абсолютно аморальном бессмыслии. Где всякого рода истина – такой же инструмент по извлечению выгоды, как и любой обман.

Вера нам нужна. Не истина. С ней надежнее. Она дает опору. Поэтому так важно верить в себя. Эту опору сложнее выбить. С такой опорой не так-то просто навязать все прописные истины и нормы. Про царствие небесное, покой, смиренность и мораль. И про терпимость. Терпимость, если уж быть точнее. Как и тот факт, что на земле пока живем. А здесь куда практичнее быть мужественным, дерзким и опираться на себя. Помимо ереси первопрестольной... не так ли?

«Так ли», – безмолвным подтверждением смотрел на храм прямоугольный постамент. Каменное изваяние на Соборной площади.

Восемь невысоких пирамидальных тумб, соединенных массивными цепями.

«22 сентября 1812 года русские войска под командованием генерала Милорадовича одержали победу над французами корпуса Мюрата в сражении между селами Вороново и Тарутино...» – скромно гласила табличка обелиска под Александровским гербом.

Где были бы все ваши ценности, если б не отчаяние, агрессия, озлобленность и прочие пороки этих ребят, пустивших на защиту свои жизни? Где были бы ваши заповеди, если б при первом же натиске они подставили вторую щеку и взмолились Всевышнему простить врага своего, ибо не ведают, что творят? Где была бы ваша мораль, если бы при первом вторжении сложили б оружие и проявили смиренность? Не было бы их. Как не было бы ни вас, ни ваших потомков, преемников и последователей. А все моральные ценности разошлись бы по миру пеплом на ветру.

Но они, как видите, есть. Стоят целыми и невредимыми. Играют на солнце куполов позолотой. Богослужения проводят. Экскурсии пускают. Детей воскресной грамоте обучают.

Потому что не было у товарища Милорадовича в далеком девятнадцатом ни терпимости, ни смиренности, ни сострадания. Как и у его гренадёров. Зато была цель и мужество идти до конца. Была решимость и проверенное средство – отвечать на силу силой. А вместе с ними хитрость, логика и сноровка. Потому и задали трепку корпусу Мюрата. Потому и убивали нещадно. И добивали. Без суда, следствия и сострадания. Ибо сострадание губительно для человека. Ибо выживает сильнейший. И то, что падает, не нужно удерживать, – его нужно подтолкнуть. В этом – истинная помощь ближнему. В этом – подлинная помощь нуждающимся. Таков закон жизни. Таков закон развития и прогресса. Что в социуме, что в личности.

«Из руин своих бед

Я сложу себе новый фундамент

для новых побед...», – ухмыльнулась я своим мыслям, разглядывая грубую кладку каменной монумента.

То, что действительно значимо в позолоте не нуждается. Как и в титулах. Как и в ритуалах.

Оно скромно собрано на доступном и зримом месте. Как на этой четырехгранной пирамиде под тенью огненной листвы осеннего сквера. И звенит тишиной гораздо громче, чем многоголосие хоров религиозных фанатиков. Осталось только прислушаться. Осталось только расслышать...

Внезапный звон колокольни заставил вздрогнуть. Я непроизвольно поежилась, подняла воротник куртки и, не оборачиваясь, побрела дальше вглубь сквера, шурша листьями.

.....

Подольск оказался не особо располагающим к прогулкам. Дома старых панельных серий с облупившимися стенами сменялись недавно заселенными микрорайонами. Почти в каждом дворе встречались яркие детские площадки доверху наполненные детьми и мамами с колясками. И выеденное, местами до дыр, асфальтовое покрытие. Контрасты. Нередкое явление для мест объятых реконструкциями и масштабным строительством.

Я чудом не угодила в подобную пасть, разинутую среди дороги, явно рискуя подвернуть лодыжку.

«Внимательнее», – оскалилась она, глядя на меня снизу вверх. «Не расслабляйся. Смотри себе под ноги. И смотри, тебе сигналият. Не стой столбом на проезжей части». И раздавшийся позади звук клаксона тут же заставил вздрогнуть и отскочить в сторону.

«Ох, уж эти города... Все в них так. Все на грани истерики», – выдохнула я, пробираясь вдоль двора по бордюру.

Город постоянно держит в стрессе. Он старается предостеречь от возможных внешних угроз, которые создает сам. Он всячески старается быть любезным и скалится, несётся в тебя потоком машин и людей.

Привыкнуть к этому не возможно.

Толпа, скорость, пустая голова... толпа. И адреналин – твоя единственная поддержка и опора. Пока в конец не устанешь от мельтешения картин, лиц, запахов... переполненных возбуждением и отчаянием. И не впадешь в глубокую депрессию или не найдешь себе тихий уголок где-то за его пределами. Вроде этого. Пока туда не доберется реновация...

Стройки. Бич развивающегося города. Стальные прутья ограждений, деревянные настилы небрежно брошенные для пешеходов. Котлованы, бетономешалки, монотонный стук. Не помню ни дня, чтоб в городах не было строек.

Я перепрыгнула очередную пасть и поспешила выбраться из дворовых лабиринтов куда-то, где по оживленнее.

Куда?

Да, понятия не имею. В таких вопросах даже Гугл не требуется. Даже в небольших городках. Достаточно выловить глазами в горстке прохожих пару-тройку целеустремленных чело-

веков... они обязательно встретятся. Их видно, если оглядеться. Сосредоточенные, настроенные, важные. Идущие ускоренным шагом по своим неотложным делам. Каждый – к своей цели. Такие непременно сольются в толпу и выведут к чему-то центральному или логически транспортному. Рынку, вокзалу, метро... Или еще куда.

Площадь вокзала раскрылась небольшим одноэтажным зданием, эпохи тысяча-восемьсот-какого-то, будками касс и переполненной парковкой. Чуть далее пестрели вывески кафе и торговых рядов. Ничто из представленного не располагало знакомиться ближе и я направилась к ближайшей автобусной остановке. Не вдаваясь в подробности номеров и маршрутов, я залезла в первый прибывший и расположилась у окна.

Панорама с высоты автобуса мало чем отличалась от пешеходной. Дома, домишки, унылые улицы, развязки дорог лишенные логики, пестрые вывески магазинов. Одна из них красными буквами с подсветкой да, по темному фасаду нескромно гласила: «Цветочный рай», а жирная синяя стрелка доходчиво указывала направление. Однако иллюминация не совсем соответствовала размаху и выделяла лишь одно слово. Был ли в этом маркетинговый ход или просто отношение владельца к своему делу, – не угадать. Однако суть получалась простая: Рай – туда...

«Да-да», – усмехнулась я, проезжая мимо. «Рай всегда где-то там... под стрелку. В конце поездки, при достижении цели. Где угодно, но только не здесь. Хотя и там – по указателю он вряд ли найдётся. Скорее выстроятся в ряд очередные стрелки. И так, – до бесконечности. Без конца, края и остановки...»

Окончить поездку я решила на следующей. «Парк культуры и отдыха», обозначил динамик название остановки и распахнул двери. «ЦПКиО им. В. Талалихина» гласили главные ворота и увлекали артериями аллей.

Ярмарочная площадь, Зелёный театр, Детский городок, – направляла план-схема у входа. Там же припрятали скамейки, клумбы, кофейня и пара памятников. Что еще нужно? Набережная вдоль реки, разве что, со смотровой площадкой. И тишина. Нашлось и это.

Я неспешно брела вдоль нижней границы склона и наблюдала, как заходящее солнце облизывает контура новостроек на горизонте и играет остатками дня на темной воде. Река, казалось, не двигалась. Нет, не была застоялой, а именно обездвиженной. Было спокойно. И тихо. Удивительно тихо. Вроде, и город шумит, живет жизнью своих обитателей, – их нуждами, заботами и непрерывным движением. А я стою среди них, как в вакууме. В тишине. И слышу ее звон. Как я не замечала ее раньше? Она же повсюду. Даже в самом шумном месте. На самой оживленной улице. В себе не замечала значит. Сама гремела погремушкой...

Бежала, суежилась, искала.

Когда ты живешь в большом городе, ты должен двигаться вперед. Не иначе. Любое статическое положение непригодно, – оно слишком рискованно. Нужно быть начеку, чтобы воспользоваться выпавшим на твою долю шансом. Это скажет каждый, кто знает нрав возможностей. Кто сталкивался с капризами шанса. Чуть зазеваешься и.. он пройдет мимо. Ты его не заметишь. А неиспользованный шанс всегда становится проблемой. Всегда. Белой ниткой он пронизывает потом нервные клетки, стягивая психику к ощущению тотального одиночества и пустоты. И эти ощущения страшнее, чем усталость от бесконечных забот за нуждами и удовольствием.

Те, кто однажды с подобным столкнулся, хорошо знают этот мерзкий сквозняк по нейронным отверстиям, как немой вопрос: сколь долго ты еще протянешь с этим осознанием?

И здесь уж – кому как повезёт...

Мне повезло сегодня меньше.

Кеды хоть и выдавшие дороги натерли безбожно. На улице стемнело, становилось все холоднее и неприятнее. Я шла по однотипным дворам и проспектам, не разбирая дороги, уже несколько часов. Улицы становились все менее освещенными, плитка на тротуаре пошла враз-

нос и местами торчала острыми углами вверх. Если не смотреть под ноги, неминуемо навернешься.

Я остановилась, осматриваясь кругом. Дома, дворы, темень. Картинка по обе стороны дороги выглядела как декорации плохого кино.

Там в конце улицы должен быть сквер. Но его не было. Я стояла на перекрёстке, озираясь по сторонам, но никак не могла распознать местность. Да, и как можно распознать то, чего не знаешь? Здесь бы хоть намёк на присутствие человека-разумного, но как нарочно – тишина.

Я сделала еще одну попытку осмотреться. На краю противоположного тротуара раздался тонкий писк. Возле пожарного люка прогуливалась кошка. Она явно что-то высматривала, вертя головой то налево, то направо. Но, видимо, ничего не нашла и исчезла в глубина сумерек улицы. Я переступила с ноги на ногу, еще более ощущая их тяжесть. Усталость накатывала бескомпромиссно. Мысли взять такси развеялись еще как пару часов назад наглухо разряженным телефоном. Там же осталась и навигация в пространстве, успевшая проложить это направление, прежде чем намертво погаснуть. Бесполезным булыжником теперь мотался незаменимый в обиходе гаджет, так легко и добровольно вмонтированный столетием в наши ладони, глаза и головы. Чипизацией все страшатся. Какой чипизации? Кого? Мы и так уже давно, как слепые котята, – чипированы собственной неспособностью видеть, думать и ориентироваться. Собственным нежеланием хоть что-то делать собственным умом. Напрягаться и напрягать то, что в черепной коробке еще окончательно не усохло. Что тут чипировать-то в самом деле? Чем управлять? Сложность прям невероятная – вести то, что само ведётся, помани лишь удобством и значимостью.

Ты не имеешь права быть привязанным к чему-то. Или кому-то.

Вот, что значимо. Вот, что действительно удобно. В предложенных условиях тотальных подмен и обмана. Найдёшь в себе силы? Рискнёшь? Возможно выпадет шанс выбирать свой обман самому, нежели слепо вестись на предложенное. Не факт, что получится. Но шанс все же есть...

Я вышла к краю дороги и протянула руку в сторону. Редкие машины проезжали мимо, демонстративно игнорируя мое присутствие.

«Без шансов», – подумала я, поднимая глаза на небо. Низкой плотной пеленой оно накрывало действительность. Голова становилось все тяжелее. Ужасно захотелось спать.

Если не обманывать самого себя, тебя непременно обманет кто-то другой. Подхватит на обочине неизвестности и отвезет в неопределённость. Приятную или не очень.

Там уж кому какой куш выпадет...

Куш посыпался с неба и через минуту ливонул как из ведра. Резко, напористо. Дождь. Нежданный, негаданный. Я попыталась укрытиям под деревом – безрезультатно. За пару минут одежда вымокла насквозь, в кедях захлюпала вода. Я стояла, прижавшись к стволу дерева спиной, и не понимала, что дальше делать. Как ни пыталась собраться с мыслями, – ни одна не являлась. Придётся обходиться без них. Без мыслей. Хотя и с ними-то порой – что без них. Сухая бессмыслица. Как сейчас. Я убрала с лица прядь мокрых волос и осмотрелась по сторонам. Дождь лил стеной без намека на завершение. Внезапно захотелось разуться. Я стянула сначала один кед, потом второй. Какое же это наслаждение – просто стоять босиком на мокрой листве и ощущать стопами их холодную рельефную текстуру. Спустя ещё пару минут – я вышла из-под укрытия дерева, проставляя лицо струям воды.

Бывает в дожде такая стадия, что уже не важно, – то же и в жизни. Зависит от интенсивности и степени усталости. А я устала сегодня. Очень устала.

Промокнув до нитки, я снова вернулась под дерево и обулась. Кеды отозвались мерзким хлопком. Тело – ознобом и странным ощущением, что за мной кто-то наблюдает. Я повернула

голову, пытаясь проморгаться. Свет был смазан потоками дождя, льющегося с небес. Свет был искусственный и статичный. Свет фар ближнего освещения у обочины дороги.

Была глубокая ночь, когда я вернулась домой. Не зажигая свет, я бросила ключи на тумбу прихожей и прошла в ванную. Ощущения усталости и тотального холода понемногу отступали под обжигающими струями воды, оставляя приятную усталость в мышцах ног. Вдоволь отогревшись, и с большой неохотой я раздвинула запотевшие створки душевой кабины, завернулась в полотенце и вошла в кухню.

Запах его духов ворвался в голову, перебивая собой табачный дым и мои замутненные мысли.

– Где я раньше мог вас видеть, Миледи? – чинно осведомился голос за моей спиной.

«Даже в таких вопросах не обходится без протокольных формальностей», – усмехнулась я мысленно дверце холодильника, затем открыла ее и извлекла початую бутылку белого сухого. «Точно извращенец».

«– Где ты была все эти дни? Где твоё алиби?» – снова пробасили он с нотками издевки.

Я сделала глоток из горла бутылки и, захлопнув дверцу, неспешно обернулась.

В квартире по-прежнему было темно, лишь освещение города сквозь панорамные окна небрежно очерчивали силуэты предметов. Я не видела его лица. Но я видела его улыбку. Чувствовала. Она назойливым насекомым летала вокруг моего тела.

Я сделала еще глоток и улыбнулась в ответ. Как знак того, что принимаю вызов, что понимаю игру. У меня ведь даже ответы имелись. И про алиби, и про местоположение. Но протокол предполагает играть по правилам. И мы слишком хорошо знали, как важно следовать этим правилам в целом, чтоб время от времени нарушать их по мелочам.

Я ощутила объятия. Они были почти как настоящие. Я прижалась к нему, словно стараясь забыться. Он зарылся лицом в мои волосы и глубоко задышал. Мы стояли на фоне оконных сумерек и оба слышали, как сгущается пространство. Как все затихает. Как все успокаивается. Даруя нам ненавязчивое присутствие друг друга. Здесь. Сейчас. А что будет потом? Да, кто ж об этом думает, – что будет потом? Когда алкоголь сводит все к чистой биологии, напроочь уничтожая индивидуальные различия. Таким, собственно, и должно быть идеальное лекарство от одиночества.

Сегодня лекарство выдалось терпким. Насыщенным. С горчинкой. За состав и дозу – ответит завтра. Не для того ли нам дана природой эта тяга к разнообразию? Чтоб не заикли-ваться. Не на делах, ни на мужчинах?

Доза была ударной. Действенной.

Я отлично знала, что делаю. В моих поступках всегда прослеживался холодный расчёт, что не всегда мне удавалось скрыть. Я к этому и не стремилась, впрочем. В такие моменты я всегда расплзлась в улыбке кошки сожравшей канарейку. И танцевала.

Сейчас я танцевала на кухонном столе, скинув полотенце. Тень от точечного ночника на стене колыхалась в такт моим движениям и музыке. Она вдруг показалась мне невероятно тонкой, изящной. Почти бесплотной. Как язычок огонька свечи, дрожащий от заговорческого шепота. Облизывая губы, я проговаривала слова песни, – те, что не выкинешь. Известные только мне. Они оставались неизменными. Я изменилась. Часть меня умерла. Часть сторела. Сторела вместе с теми, кто проиграл. Кто жаждал погреться, но не готов был обжечься. А получив ожог, пытался залить. Затушить. Забить.

Но не дошел до конца.

Густой серый пепел оседал теперь на их плечах. Пепел возможного счастья. С запахом гари живых мышечных волокон. Подгоревшего сердца. Моего. Невозможно по-настоящему отпустить человека, не ранив собственной души.

Коснувшись ее, проникнув в тебя, он навсегда забирает с собой ее часть. Взамен оставляет холод сквозняка и свежее клеймо под названием «новое я». Ведь твоя обновлённая душа и есть награда за встречу со смертью. За разрушение. За страдания.

Велика ли цена? Что поделать...

Все развитие основано на страданиях, если уж разобраться.

Вернее, в попытке избавиться от него. От страдания. Если совсем грубо, то страдания – это двигатель прогресса. Если его убрать, искоренить – развитие остановится. И мир рухнет в эйфорию небытия и тотальный наркотический кайф...

Я рухнула в него. С разбегу.

Меня было уже не остановить.

Замедлить, разве что. Но не остановить.

И он замедлил.

Схватил крепко и властно. За горло. Дыхание стало едва уловимым. Поверхностным. И его. И мое.

Я попыталась вырваться. Затрепыхалась. Забилась всем телом. Как мотылек под абажуром. В стремление к какой-то важной и великой цели, что требует всех отчаянных усилий. Тех, что создаются исключительно преодолением себя...

Выжить. Достигнуть света, биться до конца. И выжить. Они-то и приводят к результату. Вплоть до того, как лампа раскаляется достаточно и обжигает крылышки.

Он чуть ослабил хват, но тут же подхватил на руки и перенес к окну. Холод стекла и ночного неба обжег мою обнаженную спину от поясницы до затылка. Я вздрогнула и крепче обвила его торс ногами. Отражающийся в стекле свет мешал увидеть его глаза. Я сделала глубокий вдох и прогнулась, прижимаясь к нему всем телом. .

“Как же высоко ты все таки забрался, милый”, – обратилась я мысленно, слизывая пыльцу своих крыльев с его разомкнутых пальцев.

И мне бы выпорхнуть в окно. Не цепляться за него. Не прижиматься.

На утро выветрится химия, как хмель. И сменится белье в постели. Мы разойдемся по миру – творить своё несовершенное бессмыслие. Каждый – в своем направлении, каждый сам по себе. С той лишь разницей, что он пойдёт с очередной победой, любовно потягивая себя в области ширилки, а я – с очередным опустошением.

Но это будет только завтра...

...Завтра ворвалось тошнотворным позывом и резко распахнуло глаза. Лучи света полоснули по слизистой, эхом отзываясь в висках. Я сжалась всем телом и попыталась встать. Головная боль с силой швырнула обратно на скомканную подушку. Попытка сползти с кровати далась не сразу. Плюсы кроватей не приставленной вплотную к стене – возможность выбора с какой ноги встать и на какой бок свалиться. В этом же и минус, когда нет сил и адекватности выбирать. Я отдалась воле случая и скатилась с изножья, по пути зацепилась за угол банкетки и, чуть пошатнувшись, побрела в ванную.

Ничто так не способствует быстрому пробуждению, как холодный кафель под босыми стопами.

Я на ощупь открыла кран, набрала воды в ладони и плеснула ею в лицо. Сквозь пробивающийся свет незакрытой двери на меня посмотрело размазанное лицо. Помятое размазанное лицо. Я попыталась сфокусировать взгляд.

Худое лицо, высокий задумчивый лоб, украшенный продольными складками глубины своей задумчивости. Темные волосы растрепаны по... по простому так, по домашнему, если не выразиться жёстче. Чуть приоткрытый рот узких бледных губ. И глаза. Глубокие и темные. Будто затуманенные. Смотрели с достоинством и неким высокомерием.

«Ну, здравствуй», – улыбнулась она краешком рта.

Я кивнула и улыбнулась в ответ ее размытому безразличию.

Обезличию, уточнила бы. И дело было не в резкости восприятия. Или отсутствии света. Хотя в нем немного тоже, наверное...

Пролить бы его – Свет этот. Как воду из крана. Мягкий теплый заполняющий. Или ударить контровым по силуэту. Моделирующим прорисовать детали. Там, глядишь, и просветление нагрянет.

Но нет.

Нет ни света пока, ни просветления. Ни лампы накаливания под потолком. Что уж там... Поэтому предпочту пока остаться в затемнении. Там есть, где скрыть дефекты. И не только свои.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.